

УДК 821.111–312.4(41)
ББК 84(7Сое)-44
О-55

Gregg Olsen
THE HIVE

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
David Black Literary Agency, Inc.
и Prava I Perevodi International Literary Agency

Перевод с английского *Ирины Новоселецкой*

Олсен, Грегг.

О-55 Улей:[роман] / Грегг Олсен; — [перевод с английского И. Новоселецкая]. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 416 с.— (Новый мировой триллер).

ISBN 978-5-17-144684-0

Кто скрывается за безупречно красивой маской? Мессия или шарлатан?

Тело молодой журналистки находят на дне ущелья, и детектив Линдси Джекман берется за расследование. Вскоре Линдси узнает, что жертва писала разоблачительную статью о Марни Спеллман — гуру здорового образа жизни, увлекающей за собой миллионы людей.

По словам Марни, когда она была ребенком, рой пчел поднял ее над землей к солнечному свету, освещая духовную связь с природой — чудо, благодаря которому она построила косметическую империю и стала легендой, целительницей, королевой здоровья и вечной красоты.

Своих приближенных она называет Ульем и только с ними разделяет секреты своего успеха, включая те, что окутаны тьмой в течение двадцати лет. Преисполненная решимости раскрыть тайны Улья, Линдси сосредотачивает свое расследование на Марни и бывших членах Улья. Но по силам ли ей раскрыть эти тайны, не увязнув в смертельном и сладком яде?

УДК 821.111–312.4(41)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-144684-0

© 2021 by Gregg Olsen
© Новоселецкая И.П., перевод, 2022
©ООО «Издательство АСТ», 2022

*Посвящается Крису Ренфро.
Он — самый лучший. Правда. Самый-самый.*

«Красота — это не просто нечто поверхностное. Внешность — наша визитная карточка. И мы, если хотим чувствовать себя замечательно и совершать замечательные деяния, должны усвоить эту неоспоримую истину. Поступая так или иначе, я всегда руководствовалась одним желанием — помогать людям, которых мир судит каждую секунду, каждый божий день».

Марни Спеллман
(из тележурнала NBC «Dateline»)

ПРОЛОГ

Позднее лето 2019 г.

Округ Уотком, штат Вашингтон

Две женщины, жившие в нескольких милях друг от друга, с разницей в несколько дней читали один и тот же отрывок из одних и тех же мемуаров. У обеих издания были потрепанные, с загнутыми уголками. Одна нашла книгу среди вещей матери, вторая взяла томик в каком-то архиве. Отдельные абзацы они выделяли желтым или розовым маркерами. Тронутые плесенью страницы испещрили пометками и вопросительными знаками, размышляя над историей Марни Спеллман. Переворачивая страницу за страницей, ставили под сомнение достоверность каждого слова в «Неуёмном сердце». Одна из читательниц искала ответы на вопросы о событиях, имевших место в пору её детства. Вторая штудировала книгу, чтобы постичь разум и душу её автора.

Снова и снова, даже когда открывалось невообразимое, книга служила им путеводителем, а потом, словно стрела, вонзалась в сердце каждой из них, одновременно раздражая и побуждая к действию.

* * *

В тот день после обеда родители уехали по делам на «большую землю», а нас с братом оставили трудиться на ферме. Отец велел вычистить хлев, а также перестелить солому в курятнике. Я ненавидела такую работу, и отец с матерью, я была уверена, специально поручили выполнить её в их отсутствие, — чтобы не слышать моих жалоб. От шестилетнего Кейси, конечно, толку было мало. Не сказать, что он не пытался мне помочь, но, как обычно, львиная доля работы ложилась на мои плечи. Как всегда. В довершение ко всему, по настоянию матери, мне, разумеется, надлежало прополоть огород и вымыть пол в кухне.

— До блеска, Марни.

Я почитала её. Скорее, просто как мать, а не из-за её отношения ко мне. Меня всегда жутко бесили её указания, которые она отдавала напевным голосом.

Кейси заявил, что устал помогать — хотя с чего бы ему уставать? — и мы решили передохнуть на вершине холма, увенчанного тремя древними кедрами, которые я нарекла Высочайшими особами, — в честь маминой любимой музыкальной группы «Сьюпримс». На наших угодьях это была самая высокая точка, откуда обозревалась вся округа. Я прихватила с собой сэндвичи и яблоки.*

Позже на меня посыплются упреки в том, что это я во всем виновата: если б взяла на пикник сэндвичи не с копченой колбасой, а с арахисовым маслом и джемом, всё было бы иначе. Говорили, что, возможно, толчком послужило мыло, которое сварила мать. Из лаванды, что росла у нас в саду, тройного помола — мы с братом сами его мельчили. Но найдутся и такие, кто скажет, что всё это ложь.

Кейси первым увидел пчелиный рой.

Мы лежали на спинах, смотрели на небо. Нас обдувал лёгкий ветерок, проникавший сквозь зелёную бахрому листовенного балдахина.

— Смотри! — вдруг вскричал Кейси, возбужденным от страха голосом.

Я проследила за оцепенелым взглядом брата. Рой появился над нами — сначала как тёмное облако, которое затем превратилось в колышущуюся волнообразную массу. Её природу в первую минуту я не распознала. Сориентироваться мне помог характерный шум. Пчёлы. Рой принимал различные формы, которые одновременно пленяли воображение и насмехались надо мной.

Скачущая лошадь, напоминавшая флюгер на нашем сарае.

Морская звезда на берегу.

Арка, подобная той, что есть в церкви, которую мы посещали в канун Рождества и на Пасху, как итог моего религиозного воспитания.

Я смотрела на рой и чувствовала, что падаю. Или, наоборот, поднимаюсь. Как-то так. Словно сила земного притяжения куда-то подевалась. Словно ньютоново яблоко поплыло по воздуху, а не упало на землю. Я слышала, как брат окликает меня, но даже его голос постепенно поглотила тишина. Я летела. Парила в воздушных потоках. Невероятно странное ощущение. Неповторимое. Казалось,

* The Supremes — амер. женское трио (1959–1977), один из самых успешных амер. музыкальных коллективов 1960-х гг.

Улей

меня поместили в казу. На моём лице — папиросная бумага, по коже стелется легкая влажность. Тихое монотонное жужжание поднимает меня ввысь, вращает, поворачивая к солнцу.*

Вверх.

Потом вниз.

Помнится, я думала, что умерла. Каким образом — затруднялась сказать. Что бы это ни было, я сознавала: со мной происходит нечто трансформирующее, сверхъестественное. Я превратилась в сосуд, наполненный мыслями и воспоминаниями о том, как меня куда-то уносило.

Вы можете это понять?

Смелости хватит?

«Неуёмное сердце»

Марни Спеллман

* Казу — американский народный музыкальный инструмент, применяемый в музыке стиля скиффл (skiffle). Казу представляет собой небольшой металлический, пластмассовый или деревянный цилиндр, сужающийся к концу. В середину цилиндра сверху вставлена металлическая пробка с мембраной из папиросной бумаги. Чтобы исполнять музыку на казу, нужно в него петь, при этом бумажная мембрана значительно изменяет голос.

Глава 1

*9 сентября 2019 г., понедельник
Округ Уотком, штат Вашингтон*

Рене Джонс толкала перед собой синюю прогулочную коляску по сырой лесной дорожке. После дождя тропинку развезло, одно переднее колесо перестало крутиться от налипшей на него глины, и катить коляску стало ещё труднее. Ко всему прочему. Она и представить не могла, что материнство сопряжено со столькими тяготами. Бессонные ночи. Нескончаемые вопли и плач ребёнка. Неодолимое стремление ускорить ход времени, приблизить ту минуту, когда доводами или подкупом она сумеет добиться от ребёнка желаемой реакции. Успокоения. Это всё, о чем она мечтала. Покой. Тишина.

От напряжения хватая ртом лесной воздух, Рене продолжала упорно катить вперед коляску. Она была в наушниках, но музыка в ушах не звучала. И подкасты тоже. Ничего. В сущности, наушники даже не были подсоединены к телефону: конец шнура опускался в карман куртки, застёгнутый на молнию. Наушники исполняли роль защитного механизма. Что-что, а вот общество сейчас ей точно не требовалось, она прекрасно обойдётся без зрителей, которые стали бы свидетелями её мучений.

Рене молилась, чтобы таблетки, которые прописал врач, помогли ей избавиться от вечной хандры, не отпускаявшей её с тех пор, как родилась Карсон. За последние полгода она извела всё самое худшее, на что обречена молодая мать.

Мама и подруги утверждали, что материнство — величайшее счастье на свете. Рене покачала головой. Это ложь, обман. Так говорят, потому что ты неожиданно пополнила ряды тех дурочек, которые понятия не имели, что их ждет после того, как свадьба сыграна, добрые пожелания выслушаны и коробки с подарками, обёрнутые в красивую бумагу и обвязанные красивыми бело-голубыми лентами, открыты. Ритуал посвящения в клуб замужних женщин символизировали благоухающие пионы и золотистый бисквит-

Улей

ный торт с белой сахарной глазурью, сформованной в виде высоких заснеженных горных пиков — ни дать ни взять вулкан Бейкер*.

Самый лучший торт на свете.

До того вкусный, что люди, съев один кусок, по глупости брали второй, третий.

Хотя понимали, что это вредно.

Карсон была очаровательной малышкой. Рене это знала, потому что ей о том постоянно твердили мама, сестра, все её друзья. Даже незнакомые люди в супермаркете «Хагген» у подножия холма Сихом. Да, у Карсон были большие карие глаза и длиннющие ресницы, которыми она, казалось, щекотала тех, кто ею любовался. Но вот была ли она очаровательной? Рене не воспринимала дочь в таком ключе. Глядя на девочку, которая кричала по ночам и без умолку вопила с раннего утра до позднего вечера, она недоумевала: неужели этот ребенок — частичка её самой?

И его.

Его. Отца малышки. Кирк Лейн, еще до того, как она разрешилась от бремени, доказал, что его любовь ничего не стоит. А ведь клялся:

— Я буду рядом с тобой, детка.

Лжец!

По мере того, как живот её раздувался, словно попкорн, росла и её неприязнь к Кирку. Зубы у него были какие-то мелкие. Глаза тусклые, почти мутные, как у старой псины, которую последний раз заводят в специальную комнатку без окон в ветеринарной клинике, где хозяева, с плачем, навсегда прощаются со своими питомцами. От Кирка даже запах исходил специфический, от которого Рене во втором триместре стало выворачивать наизнанку.

Дочери она дала имя, считавшееся традиционным в их семье, — Карсон. Самое смешное, как отмечали некоторые, сама Рене по имени её редко называла. Говоря о ней, обычно употребляла «она» или «ребёнок», а пару раз поймала себя на том, что использовала слово «эта».

Мама, однажды услышав это, ужаснулась:

— Рене!

— Что? — как ни в чем не бывало отозвалась она, хотя прекрасно понимала, что маму возмутило её странное отношение к дочери, которое она неизменно демонстрировала с тех пор, как при-

* Гора Бейкер (Mount Baker) — гора на севере штата Вашингтон в Каскадных горах в лесном заповеднике Маунт-Бейкер.

несла Карсон из родильного дома. Пренебрежительное «эта» машинально слетело у неё с языка во время очередного из бесконечных разговоров с мамой, в ходе которого она пыталась выполнить сразу тысячу дел.

Теперь придется расплачиваться за свои грехи.

Рене просматривала в телефоне объявления с предложениями о работе, цепляясь за хрупкую надежду, что смена трудовой деятельности выведет её из состояния паники, которая теперь правила её жизнью. Наконец она оторвала глаза от дисплея и увидела, что мама смотрит на неё, смотрит тем же взглядом, каким соблазнила её завести ребенка.

— Рене, милая, что с тобой? Какая-то ты... даже не знаю... отстраненная.

— Не знаю, мама, — отвечала она. — Не знаю, почему эта вызывает у меня такие чувства.

— Но... *эта*, детка? Ее зовут Карсон. У твоей дочери есть имя.

— Да, есть, — согласилась Рене. — Я понимаю, что она — моя дочь, но, мама... — Её голос сорвался на плач.

Мать Рене подошла к дочери, положила ладонь ей на плечо.

— Родная, ты должна взять себя в руки. Карсон — твоя дочь. Так же, как ты — моя.

Не то она сказала.

После разговора с матерью легче ей не стало. Констатация очевидного не затронула струн её души. Простые истины — не аргумент для женщины, которая пребывает во мраке послеродовой депрессии, в черной дыре, что начинает засасывать её в ту же секунду, стоит ей по пробуждении разомкнуть веки.

Толкая перед собой коляску по вязкой глинистой тропе, Рене жевала нижнюю губу, — чтобы не дай бог не озвучить мысли, мельтешившие в её голове. *Со мной что-то не так. Ребёнок — это навсегда. По крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать.* Или — скорее бы! — пока лекарства, что прописал ей врач, не начнут действовать. Но когда это будет? Таблетки она глотает горстями, как слипшиеся железные драже, что лежат в вазочке на стеклянном столике дома у мамы.

Лучше бы я завела собаку. Мне нельзя быть матерью. Я даже не чувствую, что Карсон — моя дочь или что она мне нравится. Хуже меня нет матери на всем белом свете.

Рене остановила коляску на краю ущелья и посмотрела вниз, на водопад, обрушивавшийся в глубокое русло реки Нуксак. Выживет ли она? Как поступит?

Что ей *делать*?

Не без труда она убедила себя, что препарат все-таки возымел эффект и её самочувствие улучшилось. Отнюдь не на сто процентов, но новая доза, она надеялась, даст желаемый результат. Карсон заворочалась, и Рене взглянула на кареглазую малышку. Рев водопада, казалось, успокаивал её, подобно гудению пылесоса, когда Рене водила его щёткой возле кровати в детской, которая пока ещё не была до конца оформлена: на свежевыкрашенные стены предстояло наклеить виниловых кроликов и барсуков. Потом лобик Карсон сморщился, что предвещало очередной «концерт». Рене выхватила из поясной сумки пустышку, нагнулась и сунула её в рот испуганной девочке. Несколько мгновений малышка молчала, а потом раздалось раздражающее характерное чмокание.

Но это все же лучше, чем очередной раунд пронзительных воплей.

Молодая мать смотрела на водопад и пыталась понять: действительно ли ей становится лучше или эта искра надежды — снова иллюзия. Ответ всевозрастающей тяжестью оседал в затылке. Грозный признак.

Ей вспомнились слова подруг и родных:

— Только став матерью, ты поймешь, что значит любить, и это непреложный факт.

Рене крепче обхватила ручку коляски и принялась робко подталкивать её к краю ущелья, к его разъявленной гранитно-земляной пасти. Ладони увлажнились, на лбу выступила испарина. Сердце бешено колотилось.

Она ещё на несколько дюймов придвинула коляску к обрыву. Будет катить её и катить, пока та не полетит вниз. И она сама вслед за ней.

И всё будет кончено.

Рене собралась с духом, и вдруг взгляд зацепился за белую, как мел, фигуру на дне ущелья.

Обман зрения? Или это чья-то злая шутка?

Что бы это ни было, оно заставило Рене очнуться, удержало на краю пропасти.

Внизу у водопада на мшистом берегу лежало тело. Тело женщины. Обнажённое. Бледное. Мокрое. С согнутыми в коленях широко расставленными ногами. Труп.

Охнув, Рене отпрянула. Выпустила ручку коляски. Сердце теперь гулко стучало в груди. Было трудно дышать. Она снова шагнула к краю обрыва, чтобы лучше рассмотреть свою находку. Огляделась, проверяя, есть ли кто поблизости.

Грегг Олсен

С трех сторон её окружала плотная стена хвойных деревьев. Будто она находилась в зелёной пещере, где в каменную тишину вторгался лишь шум воды, низвергавшейся на дно ущелья.

Здесь она была совершенно одна, если не считать обнажённого, призрачно бледного трупа. Она это ощущала каждой клеточкой своего существа. Именно в такие уголки, как этот, приходят те, кто хочет остаться наедине с самим собой.

Потому и она сюда пришла.

Рене подсоединила шнур от наушников к телефону и набрала три цифры.

— Кажется, я нашла труп, — сообщила она диспетчеру службы «911».

Карсон заплакала.

— Минуточку. Я должна взять на руки ребёнка, — объяснила Рене.

Прерывать разговор с оператором было вовсе не обязательно. Руки её были свободны. Но ей нужно было время. Однако, сказав это, она ощутила потребность прижать к себе малышку. Рене нагнулась, не без труда отстегнула ремни безопасности и бережно вытащила Карсон из коляски. Девочка была теплая и лишь чуть-чуть проявляла беспокойство. Рене немного покачала дочку туда-сюда, как учила её мама. Карсон тотчас же прекратила свою вялую возню. Взгляды матери и дочери встретились, безошибочно сообщая друг другу нечто большее, чем свои желания.

— Алло? Вы у телефона?

— Да, — подтвердила Рене. Она объяснила оператору, где находится, что видит, и пообещала дожждаться полиции.

— Я дождусь. Буду здесь.

Прижимая к себе малышку обеими руками, Рене не сводила глаз с безжизненного тела, что лежало внизу, на удалении более ста футов. Внезапно жизнь показалась ей столь хрупкой, столь драгоценной. Конечно, смерть стала бы избавлением от боли, что терзала её со дня рождения дочери. Однако смерть знаменовала конец. Безоговорочный и бесповоротный. Обратного пути нет. И нет возможности передумать.

Та девушка внизу на камнях пришла сюда с той же целью?

Бросаясь с обрыва, она по-прежнему была уверена, что поступает правильно?

Или, как Рене, в последний момент изменила своё решение?

И все равно сорвалась.

Глава 2

Линдси Джекман удавалось дышать. Каким-то образом. Руки стискивали руль, сердце бешено колотилось, разум силился сосредоточиться на поставленной задаче. После утреннего звонка и предостережения лейтенанта она была рассержена, растеряна, убита горем.

— У вас с ним слишком тесные отношения, — подчеркнул Мартин Мэдисон тихим голосом. — Я сам осмотрю место происшествия.

— Я тоже поеду.

— Нет.

— Он же мой напарник.

— У нас труп на водопаде Мейпл. Дежурный введёт тебя в курс дела.

Пока она выезжала со стоянки департамента полиции Ферндейла, диспетчер подтвердил информацию о месте обнаружения трупа. Линдси остро ощущала подле себя пустоту незнамого пассажирского кресла.

Фантом конечности.

Она пыталась сбросить с себя оцепенение, которое обычно охватывает человека при известии о внезапной и необъяснимой утрате. Этим утром жена её напарника, с которым Линдси работала в одной связке почти десять лет, обнаружила труп мужа в их гараже. Он сидел за рулем своего внедорожника в облаке выхлопных газов.

Едва она усвоила эти голые факты, в голове замельтешили одни и те же мысли.

Черт побери, Алан!

Как ты мог так поступить со мной?

С Пэтти? С Полом?

Водопад Мейпл находился на реке Норт-Форк — притоке реки Нуксак, что протекала вдоль автострады Маунт-Бейкер, неподалёку от канадской границы. Направляясь к месту происшествия, Линдси снова стала прокручивать в голове информацию, полученную от диспетчера.

— По словам женщины, она, как ей кажется, увидела труп у подножья водопада. Она напугана. Она не уверена. Возможно, там ничего нет. Вы знаете этот водопад, детектив?

— Там вечно тусуются подростки, — ответила Линдси, завершив разговор просьбой прислать ей кого-нибудь в помощь.

Река Нуксак брала начало на тающем леднике в Каскадных горах. В её верховьях течение было сильное, пенящаяся вода имела цвет почти молочной белизны, но по приближении к заливу Беллингема, в который она впадала, река становилась более спокойной и прозрачной. Одним из самых живописных мест на ней был водопад Мейпл, достигавший в высоту ста футов. Летом и в выходные к нему стекалось много народу — не то, что в будни, особенно после столпотворения в День труда. Это же не Ниагара. Скорее, место паломничества местных жителей, а не приезжих туристов, гонящихся за завораживающими красотами, хотя пьяные любители селфи из их числа, задавшись целью запечатлеть себя на фоне водопада, бывало, срывались и разбивались насмерть. За последние пять лет три человека погибли, сорвавшись с обрыва. Один подросток из Канады выжил, но теперь до конца своих дней будет делать селфи только в инвалидной коляске.

В общем, место это считалось опасным, но в том, разумеется, и крылся секрет его притягательности. В рекламном проспекте «Откройте для себя Уотком!», выпущенном в том году Управлением города Беллингема и округа Уотком по туризму, водопад даже не упоминался, — чтобы не подвергать людей опасности.

Но к тому времени это умолчание уже не помогало. Проспект «Откройте для себя Уотком!» все равно никто не читал. Информацию о том, чем стоит заняться в округе, люди узнавали в соцсетях.

Как и информацию о том, ради чего стоит умереть.

По дороге от департамента полиции Ферндейла до места происшествия Линдси размышляла о последней нелепой трагедии, думая о том, что подобные инциденты только провоцируют на безрассудство новых смельчаков, желающих попозировать на огромной высоте у края обрыва. Она мчалась вдоль реки. Мимо мелькали деревья, сливавшиеся в сплошную зелёную стену. Без мигалки. Без сирены. Незачем.

Итак, труп. Труп женщины.

Линдси снова взглянула на пустое пассажирское кресло.

— Наверное, кто-то из местных хотел выпендриться перед друзьями, — сказал бы Алан.

Улей

— Ты всегда так говоришь, — парировала бы она после продолжительной паузы.

— И всегда оказываюсь прав. Тебе ли не знать, Линдси? Ты же видела меня в деле.

Он засверкал бы в улыбке ослепительно белыми вставными зубами, дожидаясь от неё намеренно неубедительного возражения.

Они имели обыкновение подтрунивать друг над другом, обмениваться колкостями, как это принято у напарников, делающих одно дело, что требует полного контакта.

Алан Шарп в её жизни занимал одновременно место отца и лучшего друга. Его самоубийство, она знала, всегда будет тревожить её, — отчасти потому, что в его поведении она не видела никаких признаков такого поворота событий.

Она не догадывалась, сколь хрупкий он был по натуре и за улыбкой, которая всегда готова была появиться на его губах, скрывал глубокую душевную боль. Алан был предан своей семье и своей работе. Порой, приезжая утром в отделение и залетая в кабинет, Линдси сомневалась, что он вообще с вечера уходил домой. Спрашивать его об этом она давно перестала, так как он неизменно отрицал, что ночевал на работе, — даже когда она обнаружила одеяло и подушку, которые он прятал в шкафу с документацией, что стоял у его письменного стола.

И тем не менее, улыбка никогда не сходила с его лица. Он никогда не выказывал печали. Ничуть.

* * *

Под колесами заскрипел гравий. Линдси на своём служебном внедорожнике въехала на маленькую стоянку и припарковалась возле седана марки «Тойота» — единственного автомобиля, который там находился до её прибытия. Рядом стояла женщина с ребёнком на руках.

— Миссис Джонс? — уточнила Линдси, выбираясь из машины.

— Да, это я, — подтвердила женщина. — Рене.

— Как ваше самочувствие? Такие находки, я знаю, болезненно отражаются на психике. К тому же, вы здесь не одна. — Линдси улыбнулась малышке.

— Я справлюсь, — заверила её Рене. — Но мне надо Карсон отвезти домой. Она должна немного поспать.

— Понимаю. И всё же давайте прогуляемся по тропинке. Вы расскажете мне, что видели. Много времени это не займёт. Я долж-

на зафиксировать, что и как вы нашли. Коронер и криминалисты уже едут.

— Это там. — Рене взглядом показала в сторону водопада. — Она там, внизу. Под водопадом.

— Да, но вы всё равно должны мне показать, — настаивала Линдси. — Может, оставим коляску в машине? Незачем тягать её по той вязкой тропе. — Хотя колёса коляски, как заметила Линдси, уже покрывала короста запекшейся грязи. И чем только думала эта женщина?

Она помогла Рене убрать коляску в багажник «тойоты». Та взяла с заднего сиденья рюкзак-переноску для младенцев, посадила в него девочку.

— Много времени это не займёт, — повторила Линдси. Рене водрузила рюкзак с дочкой на спину. — Просто расскажите, что вы слышали и видели. Когда приехали сюда? Зачем? Изложите самые основные факты. Они нужны мне для отчёта.

Рене закрепила на себе рюкзак и повела детектива по глинистой тропинке.

— Я приехала сюда примерно час назад. Мне нравится здесь гулять. Тут так тихо. Никого нет. Не знаю, мне казалось, здесь так спокойно. А мне нужно было передохнуть.

— Сколько ей?

— Карсон полгодика, — ответила Рене. — Скоро исполнится семь месяцев.

— Красавица она у вас.

Линдси заметила, что сдержанная печальная улыбка на губах Рене постепенно угасала по мере того, как они приближались к водопаду. Слышался грохот воды, низвергавшейся на лежавшие внизу валуны со стофутовой высоты. Сквозь кроны клёнов, образовавших свод над тропинкой, сочился свет, но потом клёны сменили Дугласовы пихты и плачущие силуэты западных тсуг, и их накрыла пещеристая полумгла. У самой пропасти, где находилась главная смотровая площадка, солнечные блики, озарявшие тропинку, и во все исчезли.

— Вы здесь были совсем одна? — уточнила Линдси.

— Да.

— Видели кого-нибудь?

— Нет. — Рене поморщилась, поправляя на себе лямку рюкзака, врезающуюся в её худенькое плечо. — Я вообще такое увидела в первый раз, — добавила она. — Правда. Лучше б не видела.